

СЕРГЕЙ КЛИМКОВИЧ

А В ПОЛКУ ТОМ
ЖИЛИ-БЫЛИ...

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2018

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бел=Рус)-5
К49

Климкович, С. В.

К49 А в полку том жили-были... : повесть и рассказы / Сергей Климкович. — Минск : Четыре четверти, 2018. — 206 с.

ISBN 978-985-581-232-7.

Повесть «Призвание» и рассказы, включенные в новую книгу Сергея Климковича «А в полку том жили-были...», написаны им в первые годы работы в качестве журналиста в военном информационном агентстве.

Каждый рассказ — чья-то судьба, в которой есть свои радости и разочарования, взлеты и падения. Будни военнослужащих с железной дисциплиной и соблюдением устава накладывают отпечаток на поступки и характеры. Ведь это уже не детская игра в оловянных солдатиков, здесь все по-настоящему: и ранние подъемы, и марш-броски, и многодневные учения... Домой — на «гражданку» — они возвращаются возмужавшими, готовыми к преодолению любых трудностей.

Книга будет интересна широкому кругу читателей, она — отличный подарок молодому поколению.

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бел=Рус)-5

ISBN 978-985-581-232-7

© Климкович С. В., 2018
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2018

ПРИЗВАНИЕ

Повесть

Если бы у Ивана спросили, когда он заметил эту девушку, он не смог бы ответить. Возможно, потому, что видел ее слишком часто, но не обращал внимания. Они вместе садились в один и тот же вагон электрички и ехали каждый по своим делам.

Из военного городка на окраине города, где жил с родителями Иван, только на электричке можно было вовремя попасть на службу, которая располагалась в противоположной части города. Ивану частенько хотелось поспать подольше, особенно после наряда по автопарку, поэтому он с незавидным постоянством опаздывал на раннюю электричку, запрыгивал в следующую, привозившую его на станцию с романтическим названием «Луговина» тогда, когда на плацу части, замерев, уже стояли ровные шеренги солдат и офицеров.

— Равняйся! Смирно! — особенно громко подал команду майор Бардачный. — Командиры подразделений со строевыми записками ко мне!

— Где Вишневский? — зло шипел ротный, кося глаза на улыбавшегося за его спиной прапорщика Луцика.

— Как всегда, — отвечал тот с подхалимским вздохом, словно давая понять, что некоторые вещи в этом мире не меняются, несмотря на всю начальственную мощь ротного. — Вы что, Вишню не знаете?

А Иван в это время, сломя голову и придерживая фуражку, выпархивал из вагона, скакал по путям, мигом пролетал березовую рощу, пульей пронесился через КПП и врывался в казарму. Там, естественно, уже никого, кроме дневальных, не было.

Далее следовал риторический вопрос: «Че, все уже на построении?», на что дневальный, крутолобый молодец, отвечал охотно: «Давно уж, товарищ лейтенант». Вишневецкий озадаченно смотрел на часы, скреб пятерней под фуражкой и с отчетливостью представлял пухлое, вечно румяное лицо заместителя командира части майора Бардачного, невзлюбившего молодого лейтенанта с первых же минут его появления в части. Оказаться сейчас на плацу означало неминуемое унижение. Бардачный, оставшийся за командира части, пребывавшего в отпуске, обожал развлекаться тем, что выставлял провинившегося — вне зависимости от звания и возраста — перед строем и с едким изяществом оскорблял его, видимо, полагая, что поступал в высшей степени демократично.

Махнув на все рукой, Иван открыл канцелярию, послал дневального налить в чайник воды, после чего заварил кофе, так как утром из-за спешных сборов не успел позавтракать. «Разборок» с ротным — крикливым, задерганным начальством старшим лейтенантом, — он не боялся, поэтому решил расслабиться и выбросить из головы как самого ротного, так и душку Бардачного с его манией величия.

В следующую минуту он думал о девушке, которая каждое утро садилась с ним в один вагон. «Интересно, сколько ей лет?»

Так как девушка выглядела очень молодо, этот мысленный вопрос отличался большой практичностью. По отношению к женскому полу Иван не испытывал той преступной робости, которая однажды настигает некоторых мужчин и не отпускает уж до гробовой доски. Впрочем, робость любого рода не была присуща Ивану Вишневецкому. Он запросто входил в любой кабинет и легко общался с незнакомыми людьми.

Родители не затюкали сына излишними наставлениями, все в их семье было просто и ровно. Без истерик, скандалов, без холодной отстраненности, свойственной некоторым нервным мамочкам, считавшим собственное обидчивое молчание высшей мерой наказания для провинившихся членов семьи. Мать и отец редко вмешивались в его жизнь. Правда, не тогда, когда

возник вопрос о продолжении учебы в военном училище, которая давалась Ивану с большим трудом. «Отучишься — можешь делать, что хочешь, — говорила мать. — Но диплом у тебя должен быть. Как бы ни повернулось, диплом всегда пригодится. Сидеть у меня на шее ты не будешь, учти это. А пока мы с отцом поможем чем сможем. Ты только учись».

Поэтому Иван вырос с собственным мнением и взглядом на этот сложный мир, в котором никто ничего на блюдечке не поднесет.

И уж если у человека было собственное мнение, которое он не стеснялся высказать, то автоматически становился первым в «черном списке» начальства. Лейтенанту Вишневному второй год предоставляли отпуск в самый разгар зимнего сезона, его беззастенчиво назначали во все наряды по части и бесконечно «пропесочивали» на совещаниях. Компенсировалось это незлобивым характером Ивана. Для него многочасовые совещания являлись неисчерпаемым источником хорошего настроения.

Характер Ивана, уважение к трезво смотрящим на мир людям и полное отсутствие почтительности по отношению к откровенно глупым начальникам вскоре сделали его довольно заметной фигурой в части. Некоторые сослуживцы, привычно тянувшие армейскую ляжку, отзывались о нем пренебрежительно. Другие, кто просто не мог позволить себе относиться к начальству столь же иронично, раздраженно пожимали плечами, а третьи — с восхищением и завистью воспринимали ту легкость, с которой Иван переносил все тяготы и шишки, сыпавшиеся на него в полку. Что бы ни происходило вокруг него, улыбчивый крепыш Иван Вишневецкий твердо стоял на ногах.

Итак, наш герой вспоминал о девушке из электрички, потому что выдалась тихая утренняя минутка, и надо было занять голову, чтобы не думать о предстоящем разнесе ротного.

В это время в канцелярию заглянул дежурный по роте, шустрый и оборотистый сержант Сиренко.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант, — с улыбкой поздравился он, по давно устоявшейся привычке почти неуловимым

движением приподнимая ремень, отягощенный штык-ножом, и прикладывая руку к виску.

— Проблемы? — беззлобно отозвался Иван.

— Подоляко и Самсонов на «губе», — сообщил сержант, подходя ближе.

— Что так? — заинтересованно спросил Иван.

— А потому что мозгов нету! — неожиданно воскликнул Сиренко. — Нашли с кем связываться — с Луциком!

Прапорщик Луцик, умевший непередаваемо льстиво хихикать в присутствии начальства, был настоящим бичом для солдат. Сам из сверхсрочников, Костенька Луцик всеми силами старался показать, насколько он далек от солдатской среды, которая его же и породила. Придирки и наряды сыпались из него на головы солдат нескончаемым потоком. Оставаясь в роте один, он любил медоточивым голоском пригласить в канцелярию солдата и целый час, копируя интонации ротного, выговаривать ему за очередное незначительное упущение.

Совсем беда была для солдат, когда Луцик заступал на гарнизонное патрулирование. «Кто сегодня в патруле?» — спрашивали солдаты у более осведомленных товарищей, состоявших писарями в штабе, и когда получали в ответ: «Луцик», хватались за стриженные головы. Луцик имел самую неприятную особенность абсолютно внезапно, что называется, «как из-под земли», появляться то у почты, то возле продуктового магазина, то в леске, окружавшем гарнизон. И боже упаси того солдатика, у которого не оказывалось письменного разрешения на выход за пределы части. И даже если такое разрешение предоставлялось, это частенько не спасало несчастного от упоминания в рапорте, составляемом начальником патруля для коменданта гарнизона. Со всеми, конечно же, вытекающими. Ибо у расслабившегося воина въедливый прапорщик всегда находил какой-то изъян — будь то чуть запылившиеся сапоги, расстегнутая верхняя пуговичка «афганки» или еще что-нибудь в этом роде. Более того, после проверки всех документов следовала длительная и унижительная лекция, популярно объяснявшая, насколько попавший-

ся в справедливые руки патруля армейский индивидуум мало отличается от человекообразной обезьяны, бродившей по земле много тысяч лет тому назад.

С особым удовольствием и азартом прапорщик ловил тех, кто, завидев его на горизонте, в отчаянии давал деру обратно в лес, к забору, окружавшему часть. Погоня за дичью вряд ли доставляла охотнику такое удовольствие, как Луцику погоня за нарушителем. А уж пойманный и опознанный солдатик расписывался в рапорте как минимум в образе государственного изменника. «Губа» бедолаге в этом случае была обеспечена.

Во время строевых занятий голос Луцика, отдававшего приказы, как-то по-особому надменный, резкий, звучал громче всех. Даже в том, как он это делал, было что-то издевательское, словно он упивался своей властью, своим правом командовать двадцатью парнями, каждый из которых в любое другое время мог бы придавить его, как муху. И, по-видимому, именно это так грело его душу. Все его слова и поступки отличались вычурностью и бахвальством.

Однажды, чтобы придать своему юному лицу более мужественное выражение, Луцик решил отрастить усы. Свой план он принялся претворять в очередном отпуске. Но любовно выпестованная за целый месяц растительность на верхней луциковской губе была так невыразительна, так бутафорна, что после первого же построения на плацу майор Бардачный, морщась и неопределенно указывая куда-то в область луциковского лица, сказал: «Товарищ прапорщик, чтобы завтра я этого у вас не наблюдал. Вам понятно?»

Надо ли говорить, что растительность исчезла буквально через час.

Солдаты презирали Луцика и всеми средствами, имевшимися у них в рамках безнаказанности, это презрение выказывали. Иногда это были невинные на первый взгляд вопросы о личной жизни прапорщика, которые обычно задавались дружелюбным тоном с примесью ловко разыгранной зависти. Этот прием в

разных вариациях солдаты всегда испытывали на самых неуважаемых начальниках.

Как-то Иван стал невольным свидетелем одного такого диалога.

«А что, товарищ прапорщик, у вас “на гражданке” много девушек?» — с нарочно льстивой улыбкой подступал к Луцику самый бойкий боец.

«Да я половину города ..., если хочешь знать», — на полном серьезе бахвалился Луцик, видимо, желая поразить голодные на это дело солдатские умы и не подозревая, что ступает на скользкую дорожку.

Умы восхитились и продолжили «допрос».

«А вам по одной в день хватает или как?»

«Бывало и по две», — тоном опытного гуляки отвечал Луцик.

«И что, замужние тоже у вас были?» — допытывался провокатор.

«Ну, бывали и замужние, — с удовольствием делился прапорщик своим интимным опытом. — Они даже приятнее. Их мужики обычно на них уже внимания не обращают...»

«А если, к примеру, муж застукает? Чего делать будете, товарищ прапорщик? Ведь может и прибить. Даже не спросит, как звали. Много ли вам надо», — вздыхал боец, сочувственно оглядывая, прямо скажем, шуплую фигуру прапорщика.

В этот момент Луцик, вероятно, понимал, что разговор перешел в неприятную плоскость, и мгновенно срывался на ор: «Чугунов, ты у меня поговори! Ты у меня в наряде по столовой наговоришься. Ты у меня начистишься картошечки да помоев натаскаешься с молодыми. Я тебе устрою знойные ночи!»

Кары небесные долго еще извергались из уст прапорщика, но солдатский укол достиг своей цели, и этот укол нельзя было замаскировать никакой руганью. Против интуитивного, рожденного в коллективе изощренного и осторожного издевательства прапорщик Луцик был бессилен.

Офицеры по большей части относились к нему равнодушно либо с небрежной снисходительностью, применительной к де-

тям или к слегка больным людям. Да и Луцик не слишком стремился в среду офицеров, предпочитая глухую, уютную замкнутость старшинских каптерок и свойские посиделки с другими прапорщиками. Одним словом, прапорщика этого не очень уважали.

А накануне случилось вот что...

Прапорщик Луцик вышел из квартиры Анны Викторовны и тяжело выдохнул. Как ни уговаривала его Анна остаться на ночь, он все же нашел причины для того, чтобы уйти. Он вообще не понимал, что за бес заставил его пойти к ней опять. Ведь его визиты украдкой к начальнице солдатской столовой, временно оставшейся без мужа, могли видеть из окон соседи. Ко всему прочему и любовь с ней напоминала ему что-то вроде утомительной поездки с назойливыми и бесцеремонными попутчиками... Однако ж и отвертеться было никак нельзя. Аня хотя и добрая, но кто знает, какая обида после отказа может поселиться в ее сердце. А Луцик предпочитал не обижать полезных людей.

На улице было уже сумеречно и довольно прохладно. Последние августовские дни напоминали о скорой осени. Хотя надо сказать, что прапорщику Луцику на осеннюю лирику, излюбленную тему поэтов, было совершенно наплевать. Костя Луцик особой чувствительностью к природным и общественным явлениям не отличался.

Всем достижениям человечества, приобретенным на пути к цивилизации, он предпочитал дружную и похабную компанию, упивавшуюся водкой и разговорами о количестве покоренных женщин. Последнюю книгу он прочел два года назад в наряде по КПП, и то только потому, что кто-то из дежуривших раньше забыл ее в столе. Книжка называлась «Грязные и кровавые». Она очень понравилась Луцику, поэтому он забрал ее с собой. Теперь это была единственная книжка в его комнате в общежитии, часто выполнявшая функцию подставки под горячую сковороду.

Воровато оглянувшись на светлые окна, Луцик быстро закурил и решил сходить в магазин за пивом. Жаркие и слюнявые поцелуи неугомонной Анны Викторовны следовало чем-то залакировать. С этой целью он направился к магазину.

Подходя к почте, увидел нечто такое, что заставило сработать все его военные инстинкты. У таксофона стоял солдат. Вообще прапорщик Луцик, когда заступал начальником патруля, обожал устраивать засады на беспечных солдат возле этого таксофона. И хотя сейчас он не был на службе, азарт охотника взял свое.

По светлому силуэту, маячившему в сумерках, Луцик определил, что «зверь» попался матерый — старослужащий.

Бросив сигарету, Луцик окликнул нарушителя:

— Товарищ солдат, идите-ка сюда.

Рассчитывая на эффект внезапности, повергавший некоторых в столбняк, прапорщик никак не ожидал, что жертва, которую он уже хотел с триумфом препроводить в штаб, с такой стремительностью пустится наутек напрямиком к лесу, в ту сторону, где находился забор части.

— Ах ты, гад... — почти снисходительно выругался Луцик, припуская следом.

Потом, немного позже, он жестоко корил себя за эту глупость.

Они неслись сквозь мокрые кусты, как два полуночных фавна, решивших поиграть друг с другом в догонялки. В какой-то момент прапорщик Луцик, ожидавший больших результатов от своих ног, обутых в легкие и удобные кроссовки, с внутренним негодованием отметил, что не смог реально приблизиться к объекту преследования. Солдат в своих кирзачах ловко уходил от погони.

Впереди показался серый забор из бетонных плит. Солдат одним махом вскарабкался на него и через секунду оказался по ту сторону. Терять добычу прапорщику Луцику не хотелось, поэтому забор он преодолел даже лучше, чем на полосе препятствий. Если уж мерзавец так насобачился бегать, тогда ничего не остается, как постараться хотя бы проследить, в какую казарму он прибежит. Луцик подозревал, что это один из прико-

СОДЕРЖАНИЕ

Призвание (<i>повесть</i>)	3
--	---

Рассказы

Автомат	108
Замóк	115
Кастрюля	125
Лейтенант Капитан	134
Пляж № 6	140
Потерянный «рай»	150
Рядовой Рыжик	156
Трасса	159
Укрощение строптивого	170
Новогодний караул	174
«Оперативная»	181
Посылка	191
Аншлаг	196
Главное — улыбочка!	202